Вячеслав Пересторонин

Нехотя вспомнишь и время былое ...

(путевые заметки)

Екатеринбург
1997 г.

Вячеслав Пересторонин

Нехотя вспомнишь и время былое ...

(путевые заметки)

Екатеринбург
1997 г.

Сплю или проснулся? Ночи час утра ли?
На плечах одна ли, две головы?
Будто бы одна! Ужель одну украли?
Где я: еду в Вену или близ Невы?
Саша Черный

Не вдаваясь в политические оценки окружаещего нас мира сегодня, хочу поделиться наблюдениями и впечатлениями мира вчерашнего. Предлагаю Вашему вниманию подборку зарисовок с натуры.

Судьбе было угодно сделать меня путешественником. Одиннадцать лет непрерывных командировок. Ростов-папа, Одесса-мама, Севастополь, Владивосток, Уссурийск. Землянки Бама, мансарды Риги, пляжи Слоки, валуны Соловков и пески Чарджоу. Научился спать стоя перед окошечком администратора в переполненных гостиницах.

В награду часы, проведенные в Эрмитаже, в Третьяковке, в лучших музеях и театрах необьятной страны. Общение с людьми всех национальностей. Мир прекрасен!

Заранее благодарен за уделенное время, спасибо за терпение.

Автор

Любимица эскадрильи.

Пронизывающий до костей ветер сковал бескрайнюю степь на казахско-китайской границе. Летная часть. В длинном одноэтажном бараке-казарме тепло. А в коптерке еще и тихо. Старшина выдал книжку "Уловка 22" Джозефа Хейлера о подвигах американских авиаторов в Северной Италии в конце второй мировой войны. Читаю. Искрящийся юмор греет душу.

В ногах спит черный спаниель Рекс.

Есть в казарме и еще одна живность - полугодовалый, семидесятикилограммовый медвежонок Машка. С Рексом они, можно сказать, родственники - шкура медведицы покоится над тахтой в гостиной командира. Спит малышка у ног дневального на входе: там прохладнее.

Каждое утро небольшого подразделения начинается с физзарядки перед казармой. Здесь-то и происходят ежедневные медвежьи приключения. Стоит только Машке выскочить на двор, следом вылетает Рекс и норовит ухватить ее за коротенький хвостик. Эта затея обыкновенно заканчивается жалобным воплем пса, выполняющего сальто-мортале над взлетной полосой. А начальное ускорение этому номеру сообщает мощный удар медвежьей лапы - остервенела от острых зубов.

Весь светлый день зверь шляется под самолетами по залитой топливом и маслом бетонке. Шерсть на брюхе пропитана нефтепродуктами настолько, что брось спичку - и аэродром взлетит к чертовой матери.

Обиднее всего бывает солдатам, собравшимся в увольнение. Начищенные и надраенные в единой шеренге воины вызывают у Машки неописуемый восторг. Встав на задние лапы, она стремится заключить в свои

промасленные обьятия каждого счастливчика. Как говорится: кто не спрятался - я не виновата!

Ежевечерний концерт имеет место быть в казарме.

Притворившись спящей, закусив для убедительности тыльную часть передней лапы и зажмурив один глаз, Машка зорко следит за поведением дневального. Стоит ему отойти на несколько метров от тумбочки, эта плутовка одним прыжком подбирается к окну в коридоре, когтем открывает створку и извлекает из служащего холодильником межоконного пространства палку варенной колбасы.

На шум выбегает жена недавно присланного зампотеха в полном негляже с ребеночком на руках и начинается дежурная притча на очень высоких тонах. Сам лейтенант из благородства не вмешивается. Дневальный посредством лыжной палки препровождает виновницу к тумбочке, где она, немножко поворчав, умиротворяется.

Однажды, когда окно было закрыто на шпингалеты, медведица после нескольких неудачных попыток открыть его высадила стекло лапой и все равно поужинала. Чаша терпения молодой семьи, видимо, переполнилась. Зампотех публично поклялся пристрелить обжору.

Собрали совет на квартире командира. Всякий раз, когда наполняли рюмку хозяйки, она пухлой ручкой прижимала горлышко бутылки к краю сосуда до тех пор, пока водка не польется через край и при этом кокетливо приговаривала: Хватит, хватит, хватит! После изрядных возлияний ей удалось уговорить мужа сдать мевежонка в зоопарк.

Роль сопровождающего доверили мне. Мог ли я отказаться от такой чести?

Утром, после завтрака, Машку заманили в нижний

отсек вертолета, я последовал за ней. Пилот забрался в свою кабину наверху.

Медвеца сидела смирно, пока не запустили двигатель. Но когда завизжал привод пропеллера, Машка заметалась по всему отсеку, высадила окно и, высунув заостренную морду, душераздирающе взвыла.

Мне пришлось долго и упорно стучать в потолок пилоту, что бы тот обратил на нас внимание.

Двигатель заглушили, отдраили двери и выпустили обоих узников.

Вы бы видели, какие слезы катились по щекам и усам боевого командира. Солдаты по очереди обнимали Машку, не стесняясь ее огнеопасной шкуры.

В 600 верстах от столицы.

Март. Коровинское шоссе. Служебная квартира шеф-монтажников. На кухне, до потолка заваленной опорожненной тарой, лежит телеграмма: "Срочно связаться с руководством". От приятеля, Игоря Зернова, квартирующего на Бескудниковском, дозвонился до начальника. Нужно срочно поехать в Питер, там с Финлядского вокзала вызвать Нюнмемяки, коммандира В/ч. Он объяснит, как лучше добраться в погранзону, не оформляя пропуска. Времени на его оформление тоже нет.

Приказ - закон. Переговорил с приятелем. Позвонил в кассу вокзала - с Колончевки только "Стрела" в 0 часов 30 минут.

Зернов высказал шальную идею: а не прокатиться ли нам в Питер на белом "Запорожце", что стоит день и ночь во дворе под открытым небом? Благо, хозяева его живут этажем выше.

Сторговались в три счета. Коньяк туда, коньяк обратно, спиртное, разумеется вперед. Игорю раз в месяц приходилось ездить на этом "Запорожце" с актерами-хозяевами до "Мосфильма" за гонораром.

Однажды и я был удостоен этой высокой чести. Сел за руль, Володя справа, Тамара лежа на заднем сидении. Езда в Москве напряженная, а тут еще одна помеха: ноги актрисы постоянно оказываются то на моих плечах, то на Володькиных. Да и в самом деле, как еще ездить в "Запорожце"?

Итак выбор сделан. Остановились на "Запорожце". Встали рано. Через час в Клину. Колеса летние-дорога зимняя. Скорость в такой сезон не лучший друг.

У поста ГАИ, перед стоянкой, разбитый темно-

вишневый "Вольво". Продается за 500 рублей. С первого взгляда заманчиво. За охрану 1500 рублей" плюс растоможка. Но и это не еще не все: при внимательном осмотре машины понимаешь, что на восстановление потребуется не меньше средств, чем на новую машину.

Хранился "Вольво" с осени прошлого года, когда испанский консул, следуя из Калинина, на большой скорости столкнулся с ВАЗом. Офицер СА не справился с управлением и с тех пор покоится в получасе ходьбы от домика Петра Ильича Чайкковского. Мир праху.

Вот уже позади Валдай. В сумерках въезжали в Питер. Шестьсот верст без перекура!

Подъезжая к светофору на углу Невского и Садовой, глянул в зеркало заднего вида и похолодевшими руками вырулил в правый свободный ряд. И в тот же миг голубой ВАЗ со всего маху ударился в своего серого собрата, пережидавшего красный свет. От принявшего удар автомобиля отделились задние фонари и заднее стекло в резиновой оправе, сползшее по багажнику, даже не разбившись. В проем заднего окна на проезжую часть выскочил взрослый дымчатый дог. Водитель голубой машины в два прыжка долетел до гостиного двора и, высунувшись из-за колонны, знаками умолял призвать пса. Следуя команде, собака через все тот же проем вернулась в исходное положение, на заднее сидение авто. Эта разминка, похоже, ей понравилась.

Начались переговоры. Судя по по той стремительности, с которой холеная дама выскочила из машины, содержание диалога ее не устроило. Норковая долгополая шуба, шарф говорили об определенном достатке дамочки и хорошем уровнем культуры, пока она не открыла рот. В таких случаях репортеры стараются выключить микрофон.

Я же просто опущу весь монолог, суть которого сводилась к тому, что оба они не мужчины и им не машины водить, а жевать собственные экскременты и прочее, и прочее. Дослушав первый акт, дымчатый дог тоже внес посильную лепту - дважды громко рявкнул. Но, устыдившись собственной бестактности, виновато сложил голову на передние лапы. Досмотреть спектакаль не удалось, нужно было срочно ретироваться.

На Васильевском острове припарковались и сняли жилье прямо у стоянки.

Наскоро перекусив, поехал на Финляндский вокзал.

Дозвонился сразу. Командир ждал моего звонка.

Билеты в погранзону продовались либо по штампу прописки в паспорте, либо по штампу УВД на командировочном удостоверении. Не имея ни того, ни другого, купил билет до Сартавалы.

В час ночи сошел с поезда на одну станцию раньше. “Бобик” полковника заметил сразу, но еще раньше меня засекли пограничники. Под стражей был препровожден в какой то барак, ставший мне жильем. С командиром встретились только утром на танкодроме.

Трое суток работал на гарантийных машинах под охраной вооруженного автоматом пограничника. Все это время рядом со мной жил молодой лейтенант, сопровождавший меня и в столовую и в другие необходимые места. В конце третьих суток мой страж незаметно исчез. Видимо, пришел положительный ответ на запрос в спецорганы о моей лояльности, но лучше бы меня не покидали.

Работу я закончил, и мне предстояло в сплошной темноте и полном одиночестве пробиратьтся три километра через дремучий лес. Ибо вместе с охраной я

лишился и казенного транспорта.

К ночи подморозило и вызведело, но луны не было.

Пройдя половину пути, я здорово струхнул. Мимо меня, тяжело дыша, пронеслась стая бездомных собак, принятых со сраху за волков.

Наконец добрался до станции. На перроне меня с улыбкой приветствовал все тот же лейтенант. Я взглядом попенял ему.

Следующим утром из Пулково вылетел домой, на Урал.

По морю, аки по суху.

В конце августа 1972 восстанавливал электроснабжение в рыбацком колхозе на туркменском берегу Каспия.

Надо ли рассказывать, что чувствует русский, попадая в жгучий восточный колорит! Впечатлений как от чтения Хэмингуэя.

Итак, позади Бакинский аэропорт. Вдоль древних кривых глинобитных улочек, минуя многоязычный рынок, старинный город с многовековыми архитектурными достопримечательностями, спускаюсь к морскому порту. Непонятно откуда звучащая: то ли из-под закрытых ставень, то ли еще откуда - в ушах звенит щемящая душу заунывная, но бесконечная добрая мелодия, может мулла с минарета поет? Через каменные ограды свешиваются зеленым ковром плющи и виноград.

За морем Красноводск. Самолету предпочитаю морской паром. Отправление в полночь. Спешить некуда. А картина занятная.

Внизу на воде огромный белый корабль, как удав, заглатывает в свое чрево расчлененный пополам, груженный углем и металлопрокатом бесконечный железнодорожный состав. На открытую верхнюю палубу по специальным трапам закатывают автотранспорт. Никакой суеты.

Наконец объявили посадку пассажиров. Каюта напоминает купе скорого поезда с той лишь разницей, что окна здесь маленькие и не квадратные, а круглые. Да и смотреть уже нечего: в иллюминаторе чернота. Компанию мне составил офицер-пограничник с девочкой-дошкольницей, на верхней полке.

Качка началась сразу, от причала. Сначала поперечная,

то есть с боку на бок.Но если учесть, что полки расположены поперек судна, то легче представить и следующую картину: при наклоне на левый борт поднимается голова, а ноги опускаются; на правый - наоборот.

В середине Каспия качка такая, что попеременно становишься то на голову, то на ноги, находясь лежа на своей полке. К этому прибавляется и продольная качка, когда просто скатываешься с полки на пол, конечно, если не пристегнешься двумя широкими поясами.

В нижнем трюме слышно, как катаются грузовые вагоны.

Рейс длится несколько часов.

Настежь открытые двери и иллюминаторы не приносят облегчения. В этой жуткой духоте уснуть невозможно. Но, кажется, девочке это удается, поскольку сверху на меня устремилась теплая желтая струйка. Так появилась необходимость в срочных поисках санузла. Выбрался из каюты. Вдоль узкого длинного коридора на простенках между каютами надраенные латунные поручни. Тут и там, намертво вцепившись в них обеими руками и широко расставив ноги, неопытные мореплаватели при каждом крене коробля освобождают свои внутренности на полированные панели и ковровые дорожки.

Мне повезло: добрался до “заведения”. Металлические переборки, пол, потолок, сантехника раскалены. Дополняют впечатление тошнотворный смог, сатанинский шум и вибрации от грохочущих под полом мощных судовых двигателей.

Но вот качка уменьшилась и вскоре совсем прекратилась.

Из кромешной темноты появился весь залитый

электрическим светом порт Красноводск. Вязкую тишину нарушают редкие свистки маневрового тепловоза, извлекающего на берег грузовой состав, да приземляющийся на плато за обрывистым берегом реактивный самолет.

Рассвело неожиданно быстро. Сошел на твердую землю. Красноводск. Тут и порт, тут и вокзал, тут и автостанция.

Маленький белый автобус катится вдоль побережья строго на Север. Через полтора часа водитель объявляет: Куули-Соль. Автобус исчез, перед глазами небольшой рыбацкий поселок с десятком одноэтажных побеленных домиков, вытянутых в две линии вдоль берега.

Все вокруг белое: барханы, юрты, верблюды, чуть поодаль маяк. В поле зрения затопленные на мелководье списанные рыбацкие катера.

В домах, рассчитанных на две семьи практически никто не живет. Мебель отсутствует, но она здесь и не нужна. Вся жизнь протекает на верблюжей циновке и большей частью в юртах. "Удобстства" - в песчаных дюнах. Растительность - сушеные саксаулы да перекатиполе. Понуро повесив уши, стоит электрическим светом порт Красноводск. Вязкую тишину нарушают редкие свистки маневрового тепловоза, извлекающего на берег грузовой состав, да приземляющийся на плато за обрывистым берегом реактивный самолет.

Рассвело неожиданно быстро. Сошел на твердую землю.
"на домкрате" ишак, безобразно орет, толкаясь задами, оглядываясь и скаля уродливые зубы, чета верблюдов. Это они "занимаются любовью".

Улочка заканчивается глинобитным строением,

правлением колхоза. С торца вход в сельмаг. Хлеб, сахар, крупы, компоты и рыбные консервы. Закутанные от бровей до пят местные невесты (видны только лукавые глаза) шепотом обсуждают новопришельца и вдруг прыскают со смеху. Молодость везде беззаботна.

Прошелся по берегу до маяка. Чисто оазис: два дерева грецкого ореха, платан, персидская сирень. Боже! Чего тут только нет!

Отставной морячок Гуляев в выгоревшей тельняшке слезает с вышки ветряной динамомашины. Она ему обеспечивает работу маяка, освещает хозяйство и добывает пресную воду из скважины. Жена, кубанская казачка, содержит корову, овец, свиней, кур и двух павлинов. За домиком бахча: арбузы, дыни, по краям заросли дивных цветов, далее ульи. Хозяйство небольшое, но все свое. Выращивают огурцы, помидоры, баклажаны. В тени деревьев две сотки картофеля. Местное население в земле не ковыряется, видно, аллах не велит.

В километре от берега на отмели ржавеют два упомянутых катера, третий в море добывает каспийскую кильку, перерабатываемую затем в рыбную муку и продаваемую за валюту за бугор на удобрение скоту. Валюта, понятно, в колхоз не поступает, видно, рыбаки патриоты рубля.

Вернулся в поселок, заглянул в контору - висячий замок на месте. Походил по юртам, наткнулся на спящего механика рыбколхоза - Рустама. С ним прошли на огороженную сеткой-рабицей дизельную электростанцию.

Замок на калитке спилен, подпиленными оказались и трубки высокого давления на двигателе. Бочки с соляркой и маслом повалены, их содержимое хлюпает под нагами.

Сбросив с себя всю одежду и прихватив гаечный ключ

на девятнадцать, прыгнули в лодку.

Восточный берег Каспия пологий, отмели тянутся на несколько километров. Вода теплая, ласковая, прозрачная. Благодать! Рустам гребет, я, уцепившись за корму блаженствую за бортом, пока не замечаю, что по обе стороны от меня, выставив из воды головки, плывет до десятка змей, каждая до метра длиной. Не помню как я вылетел из воды, только механик заливается от смеха и объясняет, что они не опасны - просто играют.

Наконец добрались до первого суденышка. Шустро влез на палубу и через люк по поручням скатился в трюм. Здесь во второй раз потерял дар речи: трюм, наполовину затопленный, кишел змеями. Выручил Рустам. Он сгреб всех этих рептилий в охапку и, приподняв к проникающему через иллюминатор солнечному лучу, снова оскалился во весь рот. При близком рассмотрении оказалось, что это всего лишь оставленные в результате весенней линьки змеиные оболочки, до мельчайших подробностей повторяющие своих прежних хозяев. Оторопь прошла.

Трубки высокого давления скрутили за полминуты и на одном дыхании вернулись на берег. Вся операция по восстановлению станции заняла не больше часа. Запустив дизель, я заметил, что справа от нас за барханом стали появляться загорелые головы. А когда я поставил реверс на нагрузку и включил свет, раздались радостные крики аборигенов и в воздух полетели пестрые тюбетейки.

Закарпатье.

В пригородной зоне коротенькая взлетно-посадочная полоса. ТУ-134 плавно погрузился в молоко утреннего тумана. Задребезжали перегородки, что-то задрожало, что-то заскрипело, и лайнер остановился.

В этот город я влюбился с первого взгляда. Основанный русскими князьми Галицкими, город первопечатника Федорова расположен между живописнейшими холмами.

Еще очень рано. Иду пешком, широко открыв восторженные вежды. Какое счастье окунуться в эпоху возрождения! Божественный оперный театр. Попарные колонны завершают мраморные нимфы. В нишах каменная Эллада. Подернутые патиной зеленые купола венчают каждый квартал. Старинный центральный сквер упирается в средневековый монастырь. Сказочный мир. Атланты и кареатиды поддерживают массивные лепные карнизы над великолепными парадными. И сплошные музеи: площадь старого рынка - музей, бывший американский банк - музей, средневековая аптека - музей. Здесь одна седая старина: извилистые мощенные брусчаткой, убегающие то верх, то вниз между холмами волшебные улочки. А старинный дубовый парк в ущелье. А вокзал, а рынок. Нет слов. Тихий восторг. Но вернемся на землю. По бесконечной, на глубину два метра заполненной жидкой грязью траншее, прошивая воздух струей сизого дыма и солидно урча, ползет Т-62. Чтобы попасть на танкодром нужно пересечь международную трассу Прага - Москва.

Завидя очередную барахтающуюся в болоте боевую машину, солдаты срочно перекрывают движение

полосатым шлагбаумом и на асфальт вытягиваются специальные трапы. На глазах изумленных туристов на автостраду выскакивает боевой танк, с него сползает тонна грязи, стряхнув которую машина плюхается в болото, но уже с другой стороны дороги. Воины в считанные минуты моют проезжую часть с помощью брандсойтов пожарной машины - и трасса снова оживает.

Закончив дела на полигоне и прилично ободрав орешник, шелуша фундук, трясусь в купе до Ужгорода. Изумруд горных склонов усеян почти черными пирамидками елей. Игрушечные домики, палисадники, сверкающие свежей краской. За благополучным фасадом иногда приходилось видеть безработицу и вопиющую нищету. В этих декоративных домиках напрочь отсутствует мебель. Полуголодные дети спят на деревянных поддонах, застеленных соломой. По углам в вышитых рушниках фольга и стекло католических святых. Чаще всего Святая Мария с младенцем. Притягивают взор закопченные деревянные костелы с зеленовато-голубыми кайзеровскими касками вместо крыш.

В городах можно найти работу и жизнь намного благополучнее. И снова моя слабость, Львов. В высоченной, сто лет не ремонтированной зале от аккордов тусклого рояля кое-где сыплется лепнина карниза. Не знаю, чего больше в комнате-рояля или пышнотелой, с сегодняшнего вечера полувековой хозяйки. От ее усердия инструмент норовит уползти в дальний угол, а круглый стул ввинтиться в пол. Звучат Агинский, Дворжек, Шопен. Гости разгорячены ликером и коньяком, и дребезжание половины струн не вызывает неприятных чувств. Наоборот. Букеты бархатных роз, шоколад, шампанское, возгласы “браво”. Помада и пудра

перекочевывают с женских лиц на мужские. Начинаются танцы.

А у меня, как всегда, в полночь самолет. Исчезаю поанглийски, не прощаясь.

Безнал.

"Век живи - век учись" - это девиз моей жизни. Россия всегда была впереди планеты всей.

Великие умы-финансисты для лечения русской болезни, которую известный канцлер назвал одним словом "воруют", изобрели безналичный расчет (безнал). В стране никогда не было наличных денег, а существовала система взаимозачетов, позволявшая не рухнуть промышленному колоссу. Несуществующий в природе безнал как бы символически наполнял кровеносную систему госбюджета.

Банки перегоняли цифири с одного рассчетного счета на другой, а скудная наличность выдавалась только на зарплату и была такой мизерной, что населению ее хватало кое-как сводить концы с концами. Денежный дефицит приводил зачастую к трагикомическим последствиям.

Вот небольшой пример, подтверждающий сказанное.

Случай рядовой. Казахская степь куда ни кинь взор, - тоска. Если будешь осторожно сползать с высокой ступеньки вагона на потрескавшуюся землю - перепачкаешься угольной сажей о поручни, ежели прыгнуть - имеешь верный шанс сломать себе шею. Поезд стоит две минуты - времени на размышление нет. Вроде спрыгнул, а все равно испачкался.

Молоденькая узкоглазая толстушка в пестром сарафане и в непомерно большом красноверхом картузе дергает за язык колокола, подвешенного над входом в обшитое вагонкой станционное строение.

Тепловоз издает слабый писк и изрыгает огромное черное облако копоти. Дым рассеялся - и поезда как не

бывало. Стою, оглядываюсь. В глазах слезы, в носу копоть, ушах ритмичное постукивание колес. Два прилично одетых пассажира двинулись в сторону почти не видимого из за холма кишлака. Следую за ними. Перед глазами убожество. Коша для скота и хижины аборигенов объединены общей кровлей изгородью из камыша. Стены из самана и кизяка, то есть смеси камыша, глины, соломы и навоза. Этим же составом поддерживается тепло зимой. В промежутках между (не знаю как сказать: строениями это не назовешь и на слово "улица' тоже не тянет) ну, вобщем, копошатся чахлые куры да лениво шевелит челюстью безрогая корова.

Смотрю, пара приезжих поспешила к ПАЗику, я прибавил шагу и запрыгнул в автобус. Поехали. Голая степь.

Через пятнадцать минут моему удивленному взору представился мираж. Сначала нечетко, но потом все явственнее. Среди бескрайней пустыни вырос современный городской массив с двенадцатиэтажными домами, зелеными проспектами с фонтанами и скверами, магазинами и кинотеатрами.

Контрольно-пропускной пункт. Проверка документов. Поиски гостиницы. Словом как учили. Снова цивилизация! Номер, как в столичном отеле: ванная с горячей водой, холодильник, цветной телевизор, туалет. На полу ковер, на окне дорогие шторы, на потолке весело сверкает хрустальная люстра, словом, блеск! Мебель полированная, белье белоснежное, в гардеробе плечики, на тумбочке телефон - звони хоть в Париж.

Принял душ, расслабился. На первом этаже кафе-ресторан цены столовские.

Публика - одни военные да обслуга.

Неделю - другую жить можно.

Но не все коту масленица. Пошла полоса сбоев в

испытаниях, повлекшая задержки в согласовании документации. А это значит, что сидеть тебе заложником в резервации под охраной до тех пор, пока высокие договаривающиеся стороны, то есть начальство, не придут к общему мнению. А поскольку до Москвы далеко, можешь просидеть и месяц, и два.

Начинается пора вынужденного безделья. Известно, к чему это приводит. Хорошее столичное снабжение по началу скрашивает одиночество. Весь день загораешь на глинистом берегу обнесенного колючей проволокой технического водоема. После выпитого ящика "Варны" мучает изжога.

Однажды в час ночи потащились с одним майором купаться. Прожектор шарит белым лучом по воде, мы сидим на мостике, не решаясь лезть в воду. Я все-таки плюхнулся. Чувствую, что от еды и винища тело утратило плавучесть. Ухватился руками за сходни, барахтаюсь в темноте, делаю вид будто плыву кролем.

Параллельно срамлю напарника за его нерешительность. Не помогло. Возвращаемся в гостиницу, он сухой - я мокрый. Он снова пьет "Варну" - в меня уже не лезет. На утро, от нечего делать, купил набор резцов. Выловил из ставшего родным водоема пару осиновых досок. Высушил, выдернул гвозди и занялся объемной резьбой. Проштудировал пособие по стилям мебели от первобытного строя до модерна. Изготовил в стиле регенства спинки для четырех стульев. Так было положено начало ренессансной мебели в моем доме.

После трех недель интернирования кошелек заметно отощал. Шлю первую телеграмму шефу: "Срочно телеграфируйте сто". Тишина. Через неделю снова: "Срочно телеграфируйте сто". Тихо. На двадцать четвертый день: "Шлите деньги, вашу мать, выселяют из гостиницы". Сработало. Вот уже и документы оформлены, и пропуск на выезд подписан. Наконец приходят злополучные сто рублей. Рассчитываюсь с долгами и

ретируюсь восвояси. Снова красноверхий картуз на покрытой платком голове дежурненькой по станции. Почти на ходу запрыгиваю на подножку курьерского. В купе никого. Ритмично постукивают колеса, жизнь продолжается.

Ханлар.

Закавказье. За окном старенького закарпатского автобуса проплывают белые стволы гигантских платанов. Их узловатые корни ,переплетясь, укрепляют обрывистый берег мутной горной реки.

Мы бойко катимся по противоположному пологому берегу. За нами вьется белый шлейф пыли.

Подъем, спуск, серпантин, плоскогорье.

Редкие азербайджанские селения.

Из-за высоких каменных заборов проглядывают вторые этажи солидных каменных построек, увитых виноградом. В каждом дворе всякой твари по паре: птица, скотина, собаки и непреименный автомобиль - по достатку.

Мотор автобуса перегревается, хотя отсек открыт нараспашку, пыхтит, а то и вовсе оглохнет. После очередной вынужденной остановки трогаемся в путь.

Затяжной подъем и конечный пункт.

Автобус чихнул на прощанье и растворился.

Когда пыль улеглась, в конце кишлака стали видны казенные строения, обнесенные колючей проволокой, и ворота с красными звездами. Мне туда.

По обеим сторонам улочки сразу за дворами головокружительные вершины гор.

Воздух разряжен. Облака ползут прямо по земле.

В синем просвете неба прошелестела тень большекрылого орла.

Щеголь-петух попугайской раскраски согнал под забор с дюжину притихших кур и прикрывая их растопыренными огненного цвета крыльями, внимательно следит за парящим стервятником.

На этот раз обошлось. Улетел. Петух важно разгуливает. Беспечные квочки рассыпались и клюют под ногами, что попало.

Проходная в/ч. Представление, объяснение, обычная работа инженера-гарантийщика.

Поздно вечером замптех с группой офицеров организовали походный ужин. Шашлыки, овощи, фрукты, пряности. Тосты, распросы, излияния, разговоры до утра.

Выясняется, что коньяк в поселке продается на разлив по четыре рубля за литр. Вдвое дешевле и шампанское. А секрет прост. Местные винодельческие колхозы собирают вино и коньячный спирт в шестнадцатитонные автоцистерны. Из таких обычно заправляют самолеты.

Но пержде чем попасть на розлив примерно одна треть спирта и вина сливаются в домашние емкости жуликов - шоферов автоцистерн.

Освободившийся объем заполняется обыкновенной водой. Эта смесь позднее доставляется на винные заводы России.

Однако доблестное офицерство пробирает только технический гидролизный спирт.

Не ускользнули от внимания и некоторые пикантные подробности прохождения срочной службы.

Войсковая часть за последнее время стала укомплектовываться местными новобранцами. По прямому указанию военкома. За определенную мзду.

Приходит к командиру роты папаша такого вот призывника и предлагает ему автомашину "Волга" за то, чтобы его ребенок жил дома, то есть вон в том белом доме с верандой, а когда нужно (тревога или другая необходимость), за ним пришлют дневального.

Уверяют, что офицеры не соглашаются.

Не знаю, как служат кавказцы сейчас.

Скорый дигноз.

История эта произошла в одном северном морском городке, о котором знал весь мир, кроме, естественно, нас, советских граждан. В те времена туда можно было добраться либо морем, либо вертолетом. Ну да все по порядку.

Пункт “А” - аэропорт Кольцово. Начало июня, температура воздуха +18 С. Пункт “В” - аэропорт г.Архангельска, температура воздуха +7 С. Сорокаминутный перелет на винтокрылой машине - и мы на месте. Температура воздуха +6 С. Перепад 12 С.

Городок хрущевской застройки. Кирпичные и деревянные строения возведены на песчаной подушке, под которой вечная мерзлота.

Заблаговременно полученный штамп в командировочном удостоверении избавляет от бытовых проблем.

Единственная двухэтажная гостиница “Маяк”. Стол и дом.

Существенная деталь: чтобы установить время, нужно сначала посмотреть на часы, а затем выглянуть в окно на вход в ресторан, расположенный на первом этаже гостиницы. Весь фокус в том, что летом на Севере всегда день, а зимой ночь. Скажем, на ваших “золотых” стрелки показывают шесть, а господа офицеры с дамами осаждают вход в ресторан - не сомневайтесь, это шесть часов вечера.

А если на часах столько же, а из ресторана выкидывают на асфальт крепко захмелевших клиентов, будьте спокойны, это утро.

Так получилось, что из-за резкого падения

температуры воздуха у меня поднялась температура до 40 С. К тому же напрочь пропал аппетит. Через двое суток я настолько ослаб, что горничной пришлось вызывать скорую помощь, которая не заставила себя ждать.

Молоденькая длинноногая блондиночка, с незаконченным маникюром и потому очень сертидая, резко откинула простынку, обследовала зрачки, язык, сердце, легкие, смерила давление. Поскребла сногсшибательным ногтем за ухом. Оголила (мой, конечно) живот и, увидев три потных прыщика в солнечном сплетении, высуналась в открытое окно и приятным контральто пригласила двух санитаров.

Здоровенные парни бросили меня на носилки, и через пятнадцать минут мы уже были на окраине городка в инфекционном отделении. Огляделся. Нельзя сказать, что палата большая, но она делилась на две комнаты: одна с мелкозарешеченным окном, другая, поменьше, без окна, зато на одной из ее стен бодро тикали часы с полуметровым циферблатом и двадцатью четырьмя вместо двенадцати цифрами.

Вдоль таким образом оформленной стены в строгом порядке стояли двадцать четыре ночных вазы с обозначением каждого часа. Соответствующий времени горшок стоял посредине этой комнаты. Никаких других санустройств в палате не предусматривалось. Входная дверь запиралась снаружи дежурным врачом.

Каждые полчаса кровь из вены и содержимое очередного сосуда уносили в лабораторию.

Врачи оказались высококвалифицированными, жар согнали быстро. Таблетки, которые я всякий раз выкидывал в форточку, лечащий врач терпеливо собирал с решетки за окном и потом при осмотре мягко меня

укорял.

На третий день появился кое какой аппетит, начал принимать пищу, и доктор доверительно сообщил мне, что подозрения на брюшной тиф не подтвердились. Но по месту моей прописки уже отправили информацию о постановке на тифозный учет, о чем, конечно, сожалеют, и коль скоро я больной не их профиля, то должен немедленно покинуть пределы инфекционного стационара: простуду лечат амбулаторно.

Очутившись на свободе, за воротами больницы, я был настолько слаб, что воздушным потоком подошедшего к остановке автобуса был повергнут в пыльную крапиву под забор.

Люди помогли мне попасть в автобус и выйти из него напротив все той же гостиницы.

В отель меня долго не пускали. Собралось все гостиничное начальство. Как же! Все постельное белье, включая матрац и подушку по указанию светловолосой лекарши сожгли как носителей тифа.

Еще через день за мной приехал коллега. И вот удивительно! Уже в самолете я почувствовал себя гораздо лучше. Через час, в Сыктывкаре, плюс десять - я прогуливался самостоятельно. Спустя полтора часа в Кольцово, плюс восемнадци. Я был совершенно здоров. И забыл с о скоропалительном диагнозе.

Приватизация.

С этим явлением я столкнулся в семидесятых годах.

Шеф положил передо мной телеграмму. Читаю: "Запчасти поступили зпт ждем специалиста тчк" АРМСЕЛЬХОЗХИМИЯ., последнее слово обозначает телеграфный адрес. Чему удивляться? Наш адрес еще короче: Свердловск, георгин. Найдем где наша не проподала! Ребусы с адресами решались просто: заходишь на телеграф, представляешься и получаешь нужную информацию.

На небольшом горном плато завершил свой рейс ТУ-134.

Чистенький, с сидениями, подобными королевскому трону, "Икарус", минуя Канакеру - столицу армянского радио, втягивается в поток ереванских улиц.

После Питера и белокаменной поражает обилие оттенков туфа, отделочного ракушечника, от бело-розового до коричневого.

Главный проспект упирается в скалу, увенчанную конной статуей. Парящий над всем столичным ущельем древний царь Давид воздел в небо плоский меч.

Покинув душный Ереван, через час оказываюсь на берегу озера Севан. Высоко в горах в каменной оправе огромный бриллиант, сверкающий на солне мелкой водяной рябью.

На первой же встрече с заказчиком подвергся экспроприации: отняли портфель и бумажник. Но это не акт насилия, боже сохрани, это стиль местного гостеприимства. Стол и дом оплачены вперед.

Стол - ресторан "Парвана" - просторная терраса на самом берегу озера. А вот еда! О ней разговор особый.

На скатерть выставляются большие блюда с различными холодными закусками и пикантной зеленью. Каждый берет себе столько сколько может съесть. После Вас эти же блюда пополняются, прихорашиваются и подаются снова, но уже следующим гостям.

Мясо и форель - под специальными соусами. Ощущение такое, как будто в пищевод попали раскаленные угли вперемешку с битым стеклом.

Подкрепились, пора браться за работу.

А вот и виновник закавказского вояжа - маневровый тепловоз, сиротливо приютившийся на заднем дворе Армсельхозхимии.

Предстояло восстановить злополучную технику, причинявшую своим простоем значительный материальный ущерб.

Нужно было заменить головку блока дизеля. Старая, вследствие использования жесткой воды с большой примесью песка, имела кавитационные свищи.

Мое рвение неожиданно было охлаждено неизвестной мне ранее процедурой. Меня и только что демобилизованного из СА машиниста-армянина в кабине тепловоза поджидал огненно-рыжий, коротко остриженный Ганс.

Прожив в Армении более двадцати лет, он так и не научился толком говорить ни по-армянски, ни по-русски.

Расстался он с нами только после того, как на два раза пересчитал деньги в сумме двадцати шести тысяч наличными, уплаченными им два года назад за тепловоз отцу армянина. Кстати, начальника станции Севан. ВАЗ стоил 6 тысяч.

Немец рассчитывал на свой опыт механика, но здесь сыграл с ним злую шутку советский монополист - ВПК.

Дизель военный, запчастей в продаже нет. Милости просим на завод.

К вечеру машина работала, как часы.

Прощальный банкет завершился вручением денежного вознаграждения и возвращением бумажника и портфеля, отягощенного дюжиной армянского коньяка.

Снова ереванский аэропорт. В вязком удушье цикады кузнечников да кваканье лягушек из прилегающих блот.

Сразу за взлетной полосой Турция с двухглавым Араратом - непременным символом Армении.

У кассы никто не толпится. В окошечке точная копия Яна Френкеля, только в форме работника гражданской авиации.

В зале вторые сутки томятся две группы пассажиров. Одна ожидает самолет на Восток, другая - на Север, в Россию.

Я примкнул к последней.

К полуночи наша компания составила 18 человек, а наши конкуренты - 16. Мы победили!

"Ян Френкель" приподнялся над стеклянным барьером кассы и предложил нашей команде пройти на летное поле и занять места в АН-24.

На трапе встретила уборщица с ведром, заполненным совком и веником - примета добрая.

Пятидесяти мест с лихвой хватило, чтобы расположиться с повышенным комфортом.

Свет в салоне включился после 20-минутного полета, когда под нами проплывали освещенные полной луной горные вершины и ущелья.

Из кабины вышел усатый молодой человек и на плохом русском поинтересовался, кому нужны билеты для отчета и нет ли среди нас пассажиров до Ташкента. Как будто

он мог в таком случае что-то поправить и снова исчез. Вновь он объявился через полтора часа, когда самолет пошел на снижение для посадки в Волгограде, собрал с каждого по четвертной.

Мне выдал незаполненный авиабилет с тарифной сеткой на 120 рублей.

Самолет, как и тепловоз был приватизирован, но кем и на каких условиях?!

Да и термин этот до девяностых годов был неизвестен.

Будни гарнизона.

В наши дни стало модным ругать все и вся. И есть, пожалуй, для этого достаточные основания. Не стану бередить сегодняшних ран, лишь поделюсь одним армейским сюжетом, невольным свидетелем которого я был в благополучных семидесятых годах.

Забайкалье. Конец августа. В таежном гарнизоне уже который час изнывает на плацу весь личный состав танковой части. Стемнело. Накрапывает дождик. Краснощекий, с отменной выправкой полковник, не стесняясь в выражениях, проводит политико-воспитательную работу. Истерический монолог то и дело нарушается пощечинами, отгоняющими осатанелых комаров в отяжелевшем строю.

Появление неизвестного мужчины в кожаном пальто и кожаной шляпе, с кожаным дипломатом окончательно выводит командира из себя, и он срывается на фальцет.

Дежурный по части бежит к незнакомцу и пулей возвращается к командиру. Ничего страшного: прибыл специалист с завода танковых дизелей. Головомойка продолжается, однако непарламентских выражений становится меньше.

Причиной вызова специалиста явилось ЧП, провал боевых учений из-за невозможности запуска по сигналу "боевая тревога" ни одного из восемнадцати танков. Предстояло разгадать эту загадку.

Проверив состояние заводских пломб (кстати исправных) и правильность заполнения фомуляров, провели осмотр бронетехники. В боксах стерильно. Сверкают надраенные стволы, башни и даже гусеничные траки. Но все мертво. Детали будто склеены.

Демонтаж начали с крайней машины. Сняли бронещит с моторного отсека, крышку распредвалов правого блока: валы словно вросли в свои постели, не оторвать. Несколько граммов стекловидного вещества добытого из двигателя отправили в химлабораторию. Этим веществом оказалася масляный лак, по ошибке полученный со склада ГСМ и заправленный в систему смазки неостывших машин после последних учений. Лак остыл и окаменел. Какие там учения?

Это по части боевой подготовки.

Но вернемся на строевой плац, где еще не закончилось обсуждение событий последней недели.

А произошло вот что. В ночь на внутренний наряд по охране военного городка заступило подразделение сержанта Н., комсорга роты, который обнаружил на крыше военторговского магазина двух солдат из своего взвода, пытавшихся проникнуть внутрь торговой точки.

Завязалась беседа примерно такого содержания:

- Немедленно слезайте и убирайтесь отсюда!

- А что ты можешь нам сделать?

- А вот возьму и пальну!

Надо оговориться: на внутренних постах разрешалось ношение огнестрельного оружия, но без боеприпасов.

Устав уставом, а в каждой солдатской тумбочке патронов не меряно, россыпи, никакого учета.

Далее события развивались стремительно. Сержант делает предупредительный выстрел вверх и тут же получает ответный смертельный выстрел в лоб.

Перепуганные горе-вояки, спрыгнув с крыши и прихватив автоматы, скрываются в тайге, где спустя неделю их обнаруживают в одном из забайкальских поселков и препровождают в комендатуру.

Тело сержанта запаяли в цинковый гроб, а его родителям полетела депеша о проявленных геройстве и мужестве при исполнении воинского долга.

Для отправки спецгруза снарядили группу из четырех солдат и одного прапорщика.

Дело сделано, самолет улетел. Старший группы дает солдатам денег на спиртное, а сам уединяется со своей подружкой, телеграфисткой аэропорта.

Водитель и двое солдат расслабились в грузовике, а четвертый, подвыпив, бесцельно слонялся по городку авиаторов.

Двери в таких поселках, как правило, не запираются, вот и забрел солдатик в одну из таких квартир.

Смотревшая телевизор двенадцатилетняя девочка даже не испугалась, но когда солдат стал подминать ее под себя, она закричала. На шум прибежала мать девочки со штурманом-соседом.

Солдату удалось убежать, но пилотка, оброненная им в дверях и содержащая всю информацию о своем хозяине, помогла быстро вычислить насильника. Это о дисциплине.

Может быть подобные вещи не характерны для всей армии, если знать, что в ЗабВО, как правило, заканчивали службу офицеры, прапорщики и срочнослужащие, переведенные из элитных подмосковных Кантемировской и Таманской дивизий за различные, мягко говоря, нештатные ситуации.

Чача.

Играющие на солнце золотые купола православных соборов на обрывистом берегу мутной Куры. Над утренней дымкой, будто заноза, деревянная статуя царицы Тамары. Неугомонный Тбилиси. Под фуникулером проплывает белая часовенька с прахом Грибоедова.

С шумной улицы Плеханова в узкий преулочек навстречу друг другу вытянулись две вереницы легковушек, так сказать уличная пробка, не объехать. Что случилось? Да ничего не случилось. Просто два генацвале давно не виделись и, случайно встретив друг друга, не спеша беседуют, высунувшись из окон своих автомашин. В России за такие проделки можно крупно схлопотать. А здесь ни гудков, ни мата, чинно спокойно - уважают себя и других.

Как мы с приятелем ни спешили, но из-за этой пробки пропустили обряд бракосочетания, куда были приглашены еще вчера.

Наконец добрались. Большой двухэтажный каменный дом, вертикально обшитая тесом веранда. Побеленные стены увешаны коврами, а те, в свою очередь, унизаны старинным холодным и огнестрельным оружием. Старые дубовые половицы скрипят. Мебель в доме не менялась с прошлого века.

С седыми патлами на плечах в узкой калиточке нас встретили хозяин, в прошлом композитор, и толстенный краснолицый тамада.

Посреди двора метров на пять укрытый до земли белыми скатертями, уставленный яствами стол. По обеим сторонам сидят одни мужчины. Исключение составляет

невеста, да и та вскоре кудато исчезает. Шум, гам, дым коромыслом. Однако тамаде удается перекричать всех. Никогда раньше не испытывал такого веселья.

Произносятся длинные тосты, некоторые из них звучат до десяти минут. Перед каждым гостем кроме серебряных столовых приборов до очередного тоста наполняют пятидесятиграммовую рюмку чачей, сиречь самогоном, и высокий стопятидесятиграммовый фужер искристым сухим цинандали. Кроме того, по кругу постоянно ходит огромный, отделанный серебряной чеканкой и цепью рог крупного горного козла-тура. Хуже всех достается опаздавшим. Их тамада наказывает штрафным рогом. Застолье спонтанно прерывается песнями и танцами под аккордеон и расстроенное фортепиано.

Не обошлось и без курьеза. После третьего выхода за ворота, на автобусной остановке один из подвыпивших парней подсаживал в переполненный автобус белокурую барышню, жену русского офицера. Но делал он это так вызывающе цинично, что молодая дама залепила увесистую оплеуху нахалу. Автобус уехал, а лейтенант с женой продолжали отбиваться от хулиганов.

Стоявший в двух метрах от потасовки милиционер сделал вид, будто ничего не происходит. Но через минуту он составил протокол на шестерых гостей, шумно справляющих маленькую нужду на постамент памятника у фасада русского драмтеатра.

После недолгих уговоров затащили старшину на пирушку. Осушив полный рог вина, значительно подкрепленного чачей, страж порядка спустя двадцать минут мирно посапывал прямо на проходе калитки, положив под голову кожаную сумку с протоколами. Входящим и выходящим приходилось перешагивать через

спящего. Как заметил тамада, это лучшим образом иллюстрирует отношение граждан к закону.

Смотрел я на это, и мне почему то вспомнился еще один жуликоватого вида старшина, который сегодня утром на привокзальной площади набивал красненькими оттопыренный карман и под запрещающим знаком подгонял халтурщиков-частников на остановку такси и лично усаживал в прогнившие колымаги пассажиров.

Под утро все угомонились, весь дом и усадьба наполнились храпом. Проснувшись, я незаметно выскочил за ворота. Солнце было в зените и заметно припекало. До самолета оставалось четыре часа. По совету вчерашних сотрапезников пустился в поиски некоего Георгия - лучшего самогонщика Тбилиси в жилом массиве за цетральным стадионом.

Первый же мужчина, к которому я обратился с вопросом, стал моим добровольным гидом.

Георгиев оказалось несколько. Мы заходили во дворы, там сразу же выносился табурет, на нем устанавливался таз с персиками и виноградом. Первым пробовал чачу мой проводник, причмокивал языком, качал головой, и мы направлялись в следующий двор. После двенадцатой пробы, а, может, и четырнадцатой, я все таки наполнил пузатый кувшин и поспешил в аэропорт.

Дегустация продолжалась и на борту ТУ-104. Досталось и пассажирам, и экипажу.

В Кольцово мой кувшин был абсолютно пуст.

Конфуз.

Помните рассказ Гашека о заседании думы? Ну тот, когда периферийный священник приехал на очередное заседание муниципалитета и, получив свои депутатские деньги, вместе со всеми парламентариями последовал к буфетной стойке.

Подкрепившись чем бог послал, севрюжка там, буженинка и прочее, пошел в зал заседаний и выбрал поудобнее местечко, в середине.

Разгладил бороденку, расслабился да так незаметно и заснул. Первый спикер еще не закончил доклад, а в зале началась какая-то возня. Депутаты в концентрической, центробежной последовательности в спешке доставали надушенные носовые платки и затыкали ноздри. Зато батюшка, не открывая глаз, встал во весь рост и, подняв правую руку, символически дернул ручку смывного устройства. Помните?

Лет двадцать назад похожая история произошла и со мной. Занимался я тогда рассмотрением претензий от имени одного из уральских заводов по месту забракованной продукции. Ну и, как водится, имел неофицальных знакомых по всей Руси-матушке, от Выборга до Курилл.

Однажды на рассвете в морозное февральское утро плюхнулся наш авиалайнер в одном из прибайкальских городов.

Голова разламывалась от жуткого грохота и перепада давления. Керосиновая пыль везде: в глазах, на губах, в легких. Полный дискомфорт внутри тела.

Втиснулся коекак в насквозь промороженный, с незакрывающимися дверями "руское чудо" и, стоя на

одной ноге, добрался до центра города.

Учитывая "обязательность" и "пунктуальность" наших транспортных средств, предупреждать о своем приезде в определенный пункт и определенное время было бесмысленно, поэтому, я был несказанно рад, когда в ответ на мой звонок услышал шарканье домашних тапочек за дверью. Сначала недовольное: "Кто там?". И вот искренние улыбки приветствия.

В кухне тепло и уютно. Легкий горячий завтрак с божественным кофе сделали свое дело.

Дочь хозяйки дома, аспирантка консерватории, в дальней комнате "разогревала" руки этюдами. Я же попросил сыграть что-нибудь из Бетховена. Воспользовавшись отсутствием к себе внимания хозяев, прошмыгнул в вожделенный туалет.

Мне не передать словами, сколько гнева и обиды прочитал я в глазах юной пианистки, когда, крадучись обратно на кухню, услышал последний мощный аккорд Лунной сонаты и не менее мощный аккорд рычащего туалетного бачка.

Неделя на юге.

Завершить монтаж до выходных не успел. Сговорились с молодыми мотористами провести субботу на пляже, позагорать.

Утро. Еще не жарко. На зеленом лужке при выезде из Ростова, под автомобильным мостом через Дон, среди невысоких ив тут и там расположились компании по трое и более. Вино, закуски, карты, волейбол. У самой воды киоск с мороженым и всякой всячиной.

Пригласившие меня монтажники, осушив “Столичную”, перекидываются картишками. Затем под залихватские возгласы гоняют мяч.

Перелистываю детектив, любуюсь на крепкие мышцы ребят.

Неожиданно в двух метрах от меня радается возмущенный женский вопль. Пауза. Снова жалобная тирада.

Один из моих вчерашних помощников, двухметровый, растатуированный от ключиц до лодыжек, Олег Сергеев щекочет ивовым прутиком животик одной из трех загорающих нимф. На его лице блаженство, а в глазах молодой дамы слезы горечи и обиды. Подошел, отнял у Олега хворостинку и посоветовал ему на ухо попробовать свою шутку с другими девушками, может, кто нуждается в таком ухаживании. Конфликт улажен в полминунуты. Благодарные девушки восторженными взорами выражают мне свое расположение - в их глазах я рыцарь.
Субботний день завершил в ресторане, построенном на средства Михаила Шолохова, гостиницы “Аксинья” в компании трех дам. Угощение за мой счет, потому что, как выяснилось, я еще и джентльмен.

Вторник. Под стук колес проплыл чеховский Таганрог. В памяти очаровательные пляжные животики и все прочее.

Во второй половине дня расстроился собственный живот. Колики начались на КПП между Севастополем и Балаклавой. А чему удивляться? За весь день склевал два кило кислого винограда да еще днем на Малаховой верхотуре, вблизи панорамы,совершенно случайно столкнулся с подружкой жены Катериной и ее семилетней дочкой Оленькой. После радостных объятий и поцелуев в ближайшей забегаловке проглотили по сосиске и запили красным вином.

Заглотив очередную субмарину, раскаленный стальной кессон плавучего дока медленно всплыл и закачался у бетонного причала. Одурев в его гудящем чреве, забираюсь на самую верхнюю палубу глотнуть свежего воздуха и перевести дух.

С пятнадцатиметровой высоты хорошо просматривается весь прибрежный городок.Однако мне не до красот: каждые полчаса по бесчисленным трапам и сходням, перелетая по пять ступенек, спешу к спасительному туалету, что разместился на рыночной площади, прямо у пирса. После третьего забега осенило разыскать аптеку. Недаром медики говорят: каков стол, таков и стул.

Окончательно стал поправлятся в селении Кантимир, недалеко от Молдовы, в четверг.

Еще через два дня славная Одесса. Насытясь красотой каждого дома на Садовой и Дерибасовской, набродившись до изнеможения, очарованный театром оперы, поклонившись Гаррибальди, шикарной графской лестницей спускаюсь к порту. Море тихое, ласковое. Далеко на рейде силуэты военных кораблей.

Поздно вечером узкоколейный трамвай с грохотом доставил меня на Пересыпь.

Ведомственная гостиница, где я остановился на ночь, была в двух шагах от остановки. В момент, когда я, поставил на землю портфель, чтобы открыть входную дверь, почувствовал , будто кто-то дышит мне в спину. Осторожно повернув голову, все понял.

Четверо парней восемнадцати-двадцати пяти лет плотно окружили меня. Вихрастый, конопатый крепыш поднял портфель, двое в тельняшках и джинсах схватили меня за руки, а самый длинный, изобразив на лице улыбку, со словами "миль пардон" достал из моего нагрудного кармана бумажник. Потом крепыш открыл дверь и в сопровождении эскорта я поднялся на второй этаж.

На потолке зажглась яркая полуторасотка. Состоялось короткое объяснение.

За день я был так измотан, что не имел сил для испуга.

Длинный, что забрал мой бумажник, предложил крепыщу ознакомиться с содержимым портфеля. На стол веером полетели командировочные документы, акты, инструкции, следом полотенце, рубашка, зубная щетка, электробритва.

Прочитав бумажник, вожак сказал "фи" и попросил пошукать стаканы. В мгновение ока крепыш сгреб все со стола обратно в портфель, а фиксатый в тельняшке опорожнил поллитра водки в пять граненых стаканов. Длинный предложил всем выпить за гостя с Урала и со словами "Миль пардон, гостей не потрошим" учтиво улыбнулся и вернул мне бумажник. Только когда ковбои затопали вниз по деревянной лестнице, до моего сознания дошел весь ужас моего состояния.

Вместе с нахлынувшим удушьем в животе возобновились колики. Похоже, гастрит.

А не пора ли менять профессию и завязывать с командировками?

Но с разъездами будет покончено только через пять лет.